

А. Д. Логвиненко. Они выполнялись в классической области изучения псевдоскопических эффектов зрительного восприятия, и, казалось, сама постановка этих экспериментов не содержала никакого парадокса, подобного тем, которые имели место при изучении цветоощущения и звуковысотного слуха. Но парадокс все же «состоялся», да и само исследование, выполненное на совершенно другом экспериментальном материале, с использованием других методов, представляло собой логическое продолжение предшествующих исследований восприятия, обнаруживая единство общего замысла. Парадокс состоял в том, что для решения проблемы построения «картины мира» была использована экспериментальная ситуация искаженного восприятия этого мира.

В экспериментах В. В. Столина и А. Д. Логвиненко были прослежены детали процесса адаптации (в том числе и хронической) к искажающим очкам и установлен целый ряд новых интересных феноменов. Не излагая результатов исследования, обратимся к интерпретации их А. Н. Леонтьевым: «Их действительный смысл состоит <...> в открываемой ими возможности исследовать процесс такого преобразования информации, поступающей на сенсорный “вход”, которое подчиняется общим свойствам, связям, закономерностям реальной действительности. Это — другое, более полное выражение предметности субъективного образа, которая выступает теперь не только в его изначальной отнесенности к отражаемому объекту, но и в отнесенности его к предметному миру в целом»¹⁸. Здесь мы сталкиваемся не только с инвертированным зрением. Произошла или, точнее, стала очевидной инверсия общего замысла всего цикла экспериментальных и теоретических исследований, выполнявшихся А. Н. Леонтьевым в области ощущений и восприятий на протяжении более сорока лет. Если в начале при исследовании генезиса ощущений окружающий мир был сужен, редуцирован до отдельного предмета удовлетворения потребности или даже до его отдельных свойств, то в конце этого пути А. Н. Леонтьев делает «противоположный ход». Он расширяет отдельный предмет до границ предметного мира в целом. Оказывается, что условием адекватности восприятия отдельного предмета является адекватное восприятие предметного мира в целом и отнесенности предмета к этому миру.

Становится понятным и оправданным как с научной, так и с биографической точки зрения нереализованный, к сожалению, замысел новой книги А. Н. Леонтьева, которая должна была называться «Образ мира».

¹⁸ Там же. С. 68.

Участность в бытии: Александр Романович Лурия

*А все-таки жаль, что нельзя
с Александром Сергеевичем
поужинать в Яр заскочить
хоть на четверть часа.*

Булат Окуджава

В этом году исполнилось бы 95 лет со дня рождения Александра Романовича Лурия, и уже 20 лет как его нет с нами. Когда мы думали (и нам говорили), не надо ли подождать с конференцией, посвященной его памяти, до 100-летия, то мы решили не рисковать. Пока еще есть много людей, помнящих живой голос Александра Романовича и способных найти в себе силы для организации этого замечательного, но нелегкого дела. Спасибо, что Российский Фонд фундаментальных исследований, Российский Фонд гуманитарных исследований, Институт «Открытое Общество», а также ряд других организаций поверили нам и поддержали конференцию. Наша аргументация состояла в том, что если сил не хватит, то может нарушиться связь времен и связь имен, почти неправдоподобным средоточием которых был А. Р. Лурия. Он связывал нас с Г. И. Челпановым, И. П. Павловым, Г. Г. Шпетом, Р. О. Якобсоном, Л. С. Выготским, С. М. Эйзенштейном, В. М. Мясищевым, С. Г. Левитом, Л. А. Орбели, Б. Г. Ананьевым, Э. А. Асратяном, В. М. Черниговским, П. К. Анохиным, Н. И. Гращенковым, Н. Н. Бурденко, Н. В. Коноваловым, М. Ю. Рапопортом, А. А. Маркосяном, И. А. Соколянским, Д. Н. Узнадзе, И. С. Бериташвили. Все они отдавали дань его яркому человеческому и научному таланту. Дорогого стоит, например, признание, высказанное как-то исключительным по уму и таланту Б. М. Тепловым, в том, что А. Р. Лурия талантливее его.

В молодые, еще казанские годы А. Р. Лурия переписывался с В. М. Бехтеревым и З. Фрейдом. О его обширных контактах с западными учеными многое могли бы рассказать Дж. Брунер, К. Прибрам, М. Коул.

Замечательно, что А. Р. Лурия был «лицо неофициальное», но абсолютно авторитетное, пользовавшееся неограниченным доверием. Притом, что ему принадлежит немало собственных откры-

тий, Александр Романович не уставал делать открытия в работах западных и отечественных ученых и знакомил своих коллег и друзей друг с другом. Приведу лишь один пример. А. Р. Лурия убедил Н. А. Бернштейна сделать английский перевод ряда своих работ и содействовать их изданию в Англии. Познакомившись с ними, Дж. Брунер написал в письме А. Р. Лурии, что Н. А. Бернштейн — человек на грани гениальности, и сожалел, что не познакомился с ним при его жизни. Не поддается перечислению западная психологическая литература, которую А. Р. Лурия рекомендовал издательству «Прогресс» для перевода на русский язык, и советская психологическая литература, которую он рекомендовал этому и многим западным издательствам для перевода на европейские языки. Если учесть еще его собственные книги, изданные на многих языках, то следует признать, что существовал огромный невидимый «Издательский Дом Александра Лурия».

Казалось бы, мелочь, но нельзя забыть, что А. Р. Лурия многие годы был президентом, точнее Отцом родным «Международного землячества» иностранных студентов-психологов МГУ (не помню бюрократического названия для этой придуманной им самому себе должности, а на деле миссии). Он не давал покоя другим преподавателям факультета, и те, скрепя сердце, ездили на встречи в общезнания, а потом были благодарны ему. О признательности студентов и аспирантов и говорить нечего.

Подлинным триумфом этой деятельности А. Р. Лурии стал XVIII Международный психологический конгресс в Москве (1966), где он был больше чем председатель Программного комитета конгресса — его душой и мотором. Ему самоотверженно помогали две замечательные женщины — О. С. Виноградова и И. В. Равич-Шербо. Именно с этого времени отечественная психология, надеюсь, навсегда вернулась в мировое психологическое сообщество. Впрочем, сам он его никогда не покидал. То, что это был триумф именно А. Р. Лурии, не осознали в то время ни участники конгресса, ни, конечно же, он сам. Подобная деятельность была его естественным состоянием.

Столь же бескорыстным было его внимание к научной молодежи в самом широком смысле этого слова, т. е. не только к своим ученикам. А. Р. Лурия один из первых оценил талант Е. Н. Соколова, В. Д. Небылицына, М. И. Лисиной, А. И. Мещерякова, О. В. Виноградовой, В. И. Лубовского, В. В. Давыдова и др. Он содействовал устройству многих на работу по специальности (что тогда было очень нелегко), публикации их статей и книг (что всегда трудно).

Участливость (М. М. Бахтин сказал бы — участность в бытии) и доброта А. Р. Лурии сочетались с высочайшей требовательностью к ученикам, сотрудникам, коллегам. В начале 1930-х годов медлительный, но не флегматичный А. В. Запорожец стал лаборантом А. Р. Лурии в Академии комвоспитания им. Н. К. Крупской. Среди других в его функции входила зарядка и проявка фотокиноматериалов. Нетерпеливый А. Р. Лурия торопил его, стучал в дверь темной комнаты, раздражался по поводу опозданий своего лаборанта. По словам А. В. Запорожца, за это время в лаборатории уже скапливалось некоторое количество сырых и убогих пациентов и испытуемых, что вызывало еще большее раздражение молодого мэтра. После двух-трех месяцев сотрудничества А. Р. Лурия сказал своему будущему коллеге и ближайшему другу: «Саша, может быть, ты когда-нибудь станешь профессором, но лаборант из тебя никогда не получится!» — и... уволил его.

Многие годы спустя А. Р. Лурия категорическим тоном предложил своему бывшему лаборанту — уже профессору, академику, директору и т. д. — вечером приехать к нему. А. В. Запорожец не посмел ослушаться. А. Р. Лурия потребовал от него отчета за текущий день. Несколько обескураженный А. В. Запорожец послушно рассказал, что он делал в течение дня. Выслушав его, А. Р. Лурия в сердцах сказал: «Только в нашей стране золотыми часами забивают гвозди» — и отпустил его с миром.

Один эпизод из наших с ним отношений. Александр Романович как-то позвонил мне и строго сказал, чтобы я немедленно пришел к нему домой. При встрече, едва поздоровавшись, он произнес: «Если ты еще раз не выполнишь мою просьбу, я с тобой разнакомлюсь». Смутно припоминаю, что он был не вполне справедлив, хотя я был виновен, но заслуживал снисхождения. Речь шла не больше не меньше как о написании мною двух глав для готовившегося им тома «Человек» Детской энциклопедии. Мне действительно стало страшно. Я не стал вдаваться в объяснения, но с тех пор к его просьбам относился как к приказу, выполнял их более ответственно, чем просьбы непосредственных начальников и своего учителя А. В. Запорожца.

Нужно отдать должное самому А. Р. Лурии. Его ответственность, отзывчивость, пунктуальность служили прекрасным примером для окружающих. К сожалению, не так уж многие из них следовали этому образцу. Об А. Р. Лурии даже нельзя сказать, что он ничего не забывал — у него просто не было времени на забывание, потому что он ничего не откладывал на завтра, тем более в долгий ящик. Это редкий дар «поступающего мышления» (М. М. Бахтин).

Еще один пример. На заседании ученого совета, где был заслушан мой предварительный доклад о кандидатской диссертации, его попросили выступить моим официальным оппонентом. Он согласился. Спустя несколько дней, при встрече он сказал мне: «Володя, я уже написал отзыв на твою диссертацию, когда же я, наконец, ее увижу?» Подозреваю, что он написал его сразу после ученого совета.

А. Р. Лурия был «жаворонком» и донимал «сов» ранними звонками. Кажется, что он имел снисхождение лишь к А. В. Запорожцу и не звонил ему раньше десяти часов утра.

Систематичность А. Р. Лурия была поразительной. За месяц до своей кончины в день 75-летия он показал мне, как он подготовился к смерти. В нижних закрытых полках книжного шкафа были расставлены папки с неопубликованными работами. Шутя, он сказал, что осталась самая простая часть работы: подойти, взять папку и отнести в издательство. Как показали прошедшие двадцать лет, эта часть работы, во всяком случае, пока, является непосильной. К сожалению, у А. Р. Лурии не оказалось такого же преданного и энергичного ученика, каким был он сам в отношении к своему учителю Л. С. Выготскому. Труды Л. С. Выготского он начал издавать через 21 год после кончины учителя.

Феномен «ученичества» А. Р. Лурии (как и у А. В. Запорожца и Д. Б. Эльконина) — это особый сюжет, который нуждается в специальном психологическом анализе. Сам А. Р. Лурия, завершая автобиографию, пишет об этом очень просто, как о само собой разумеющемся: «Есть период первых исканий, встреча с гением, под влиянием которого я находился, и есть история моих дел, которые я смог совершить в течение довольно долгой жизни»¹. Ранняя эмансипация от учителя, видимо, не всегда является благом. Случай А. Р. Лурии тем более восхищает, что в своем сознании он считал себя учеником более сорока лет после кончины Л. С. Выготского (1934), почти двадцать лет из которых труды его учителя были запрещены. И каким он был учеником! Тысячу раз был прав Стефан Тулмин, который в своем маленьком эссе «Моцарт психологии», посвященном Л. С. Выготскому, назвал его ученика — А. Р. Лурию — Бетховеном. Уверен, что встреча Л. С. Выготского и А. Р. Лурии — это не просто счастливый случай. Это чудо, судьба, которая в равной мере оказалась благосклонной как к ученику, так и к учителю. Не будем их сравнивать. Поверим завету О. Мандельштама: «Не сравнивай. Живущий несравним».

¹ Лурия А. Р. Этапы пройденного пути. Научная автобиография. М., 1982. С. 181.

А они оба живы. Ученик надолго продлил жизнь учителя — Л. С. Выготского, как и мы сегодня продлеваем жизнь нашего учителя и коллеги — А. Р. Лурии.

Вообще-то постоянный рефрен А. Р. Лурии об ученичестве у Л. С. Выготского надо бы попробовать воспринять *cum grana salis*. Вспомним, что именно он уговорил К. Н. Корнилова пригласить Л. С. Выготского в Психологический институт, ученым секретарем которого он состоял в то время. В институте уже тогда (или чуть позже) работала блистательная плеяда ученых: Г. Г. Шпет, А. А. Смирнов, Б. М. Теплов, Н. А. Бернштейн, Н. И. Жинкин, С. В. Кравков, П. А. Шеварев, А. Ф. Лосев, П. П. Блонский, В. М. Боровский, А. Н. Леонтьев... Оставался еще и Г. И. Челпанов. С институтом сотрудничал Р. О. Якобсон. Подобного соцветия уже ставших и будущих талантов, собравшихся в одном месте, не знал ни до, ни после ни один университет мира. При этом А. Р. Лурия — один из самых молодых (моложе был только А. Н. Леонтьев) сотрудников по должности — общался со всеми. В психологии это называется «латентное научение». Иное дело, что А. Р. Лурия при такой богатой возможности выбора предпочел Л. С. Выготского... Или зрелый Л. С. Выготский предпочел самых молодых — А. Р. Лурию и А. Н. Леонтьева?..

Л. С. Выготский был суровый учитель. Широко известна его жесткая критика в адрес А. Р. Лурии по поводу его высказываний об отношениях психоанализа и исторического материализма. К чести ученика, следует сказать, что, редактируя первый том собрания сочинений Л. С. Выготского, Александр Романович это «слово» из песни не выкинул. Мне даже кажется, что он навсегда вытеснил из памяти слова «психоанализ» и «исторический материализм».

Как бы там ни было, но А. Р. Лурия сам стал замечательным учителем. Скажу лишь об одном из его педагогических приемов, объектом которого довелось быть и мне. Я называю этот прием «испытание доверием». Как-то он сказал мне: «Володя, ты преуспел в изучении зрительного восприятия, прочти в моем курсе «Общая психология» лекцию о зрительных образах». Надо ли говорить, как я (и другие, которым он делал аналогичные предложения) готовился. Ведь А. Р. Лурия, доверив лекцию, сам слушал ее, а его нелюбимая в оценках была известна. Он был проницателен, афористичен, его оценки часто походили на диагноз.

Однажды А. Р. Лурия точно так же «бросил в воду» молодого Б. М. Величковского. Тот после длительной подготовки выпалил за двадцать минут все содержание лекции и растерянно остановился. А. Р. Лурия сказал ему: «Боря, все замечательно, а теперь нач-

ни сначала». Молодому лектору не хватило оставшегося времени для изложения того, что он приготовил. Подобные опыты служили основанием для многократных предложений А. Н. Леонтьеву передать курс «Общая психология» следующему поколению преподавателей. Не только курс...

Очень многие из разных поколений психологов испытали на себе благотворное влияние доверия А. Р. Лурии. Мало того, он не только доверял молодым, но и выступал гарантом перед А. А. Смирновым, Б. М. Тепловым, А. Н. Леонтьевым, убеждал старшее поколение, что молодые справятся и не только с чтением лекций. Рекомендовал их ученым и руководителям многих учреждений, иностранным коллегам. Нужно сказать, что А. Р. Лурия редко ошибался, чувствовал, какое дело кому по плечу. Он всегда видел человека в зоне, точнее, в перспективе его ближайшего и более отдаленного развития. Не ошибался А. Р. Лурия и в отрицательных оценках. К сожалению, к нему не всегда прислушивались. Это и мой грех, за который самому приходилось расплачиваться. И, кажется, что до конца еще не расплатился...

Несомненно, А. Р. Лурия был человеком, если угодно — гражданином мира. Но он жил и в другом маленьком мире своих друзей и коллег, который называют научной школой Л. С. Выготского или школой Л. С. Выготского — А. Н. Леонтьева — А. Р. Лурии, в которую входили Л. И. Божович, П. Я. Гальперин, А. В. Запорожец, Б. В. Зейгарник, П. И. Зинченко, Д. Б. Эльконин и др. Конечно, каждый из перечисленных был интересен, оригинален сам по себе, создал свою школу, но многие годы они держались вместе, были склонны подчеркивать то общее, что у них есть, нежели различия, которые между ними были. Самым общим у них, конечно, была судьба советского ученого, которая, несмотря на все типично советские (и военные) перипетии, тяготы, изгнания с работы, наветы, запреты и т. п., оказалась счастливой. Ведь они не были репрессированы и имели возможность работать. А по советским меркам, это и было счастье. Впрочем, оценивалось оно вполне здраво. Как-то А. Р. Лурия поделился с женой Ланой Пименовной желанием отправить своего ученика Пеэтера Тульviste в Африку для проведения кросс-культурных исследований, на что она заметила: ведь в Африке едят людей, а ей жаль Пеэтера. Александр Романович, в свою очередь, ответил, что людей едят в Москве, а не в Африке.

Ожидание и страх репрессий, конечно, были, особенно в предвоенные годы. Страх погнал А. Р. Лурию, А. Н. Леонтьева, А. В. Запорожца в Харьков, Л. И. Божович — в Полтаву, где их меньше знали, соответственно была меньше вероятность ареста. Страх

имел основания. В конце 1920-х годов возобновились аресты ученых, началась борьба за «чистоту идей», стали размножаться «самозванцы мысли» (выражение М. Мамардашвили), работы Л. С. Выготского и А. Р. Лурии подверглись критике и запрету. Замысел и «технология» переезда принадлежали А. Р. Лурии, так как первым приютом в Харькове была для них Всеукраинская психоневрологическая академия, с которой у него были контакты, в частности с известным неврологом М. С. Лебединским.

Наше послевоенное поколение психологов застало их уже в Москве, хотя они какое-то время еще именовали себя Харьковской психологической школой. Мне уже приходилось делиться своими размышлениями о «разделении функций» в этом замечательном научном сообществе, которое цементировали общая судьба, дружба и нежная любовь друг к другу. Ведь они все были такие разные, что никакая субординация между ними была немыслима.

А. Р. Лурия, несомненно, был гением, притом добрым, домашним гением, доброжелательно и иронично улыбчивым, всецело поглощенным научными проблемами, людскими судьбами и заботами, которому некогда было подумать о своей гениальности. Он как-то очень буднично воспринимал и лишь изредка, не специально, а к слову говорил о признании его научных заслуг, будь-то издание его книги за рубежом, избрание почетным членом иностранной академии или почетным доктором очередного иностранного университета. Если я не ошибаюсь, таких университетов было около пятнадцати.

Последняя глава автобиографии А. Р. Лурии называется «Романтическая наука». В ней он, вслед за Максом Ферворном, разделяет ученых по их отношению к науке на классиков и романтиков. Сам же он счастливо сочетал в себе свойства тех и других. Лучше сказать иначе: именно потому, что А. Р. Лурия был и оставался до конца жизни романтиком, он стал классиком. Расчлняя, анализируя («руками» травмы или скальпелем нейрохирурга), анатомируя реальность, как это и полагается классику, он никогда не утрачивал перспективы и свойств живого целого. Весьма показателен в этом отношении его посмертно опубликованный антиредукционистский манифест «О месте психологии в ряду социальных и биологических наук»². Даже изучая отдельную психическую функцию — великую память мнемониста, он выводил из нее другие черты личности. Его романтизм, понимаемый в общечеловеческом (а не

² Лурия А. Р. О месте психологии в ряду социальных и биологических наук. // Вопросы философии. 1977. № 9. С. 68–76.

применительно к ученым) смысле, был невероятно деятельным и действенным. То, что в его планах иногда казалось друзьям, коллегам и ученикам фантастическим, какими-то девичьими грезами, оказывалось вполне реализуемым.

Вернемся к школе. Я вовсе не хочу идеализировать это сообщество, хотя оно стало и моим, так как меня в него приняли. В нем появлялись и центробежные силы, проскальзывала взаимная ирония, бывали научные претензии, иногда достаточно суровая критика, даже некоторая зависть (но никогда не корысть). Например, А. Н. Леонтьев упрекал А. Р. Лурию в легкомысленном отношении к теории, а А. Р. Лурия А. Н. Леонтьева — в суперсерьезном отношении к философским (читай: марксистским) аспектам психологии. А. Р. Лурия с трудом выносил идеологическое суесловие, без которого, однако, нельзя было обойтись. Однажды во время доклада А. Н. Леонтьева он прошептал мне: «Ты посмотри на него. Когда я устану, у меня язык не шевелится, а он, чем больше устанет, тем больше балаболит, не может остановиться». В какой-то момент, почувствовав ревность А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурия перестал говорить ему об очередных знаках своего признания за рубежом. При всех своих различиях, взаимных претензиях, которые в конце жизни они почти не скрывали, они не могли и дня прожить друг без друга. Их разлучила только смерть.

Словом, это было живое сообщество, членам которого ничто человеческое не было чуждо. Помимо общей судьбы их объединяли годы ученичества, сотрудничества с Л. С. Выготским и беззаветная любовь к психологии. А. В. Запорожец, перефразируя слова Аристотеля о метафизике, говорил, что много есть наук полезней, но лучше нет ни одной. Так что центростремительные силы всегда побеждали центробежные. Чтобы, не дай Бог, не сложилось впечатление, что это была некая секта, ложа, «орден меченосцев» и т. п., следует подчеркнуть широту их взглядов, терпимость к другим направлениям и научным школам, их тесные отношения и дружбу с другими психологами. А. Р. Лурия был более чем дружен с А. А. Смирновым, Б. М. Тепловым, Н. И. Жинкиным, А. Н. Соколовым, В. С. Мерлиным и др.

Разумеется, свой, как сказали бы социальные психологи, референтный круг был у каждого представителя этой замечательной школы, державшейся на разнообразии, на уникальности каждого ее участника и... на чувстве юмора, без которого выжить и сохраниться в советское время было невозможно.

До сих пор я говорил о А. Р. Лурии как бы вокруг да около психологии, а не о его собственной научной деятельности. Но все это

«вокруг» было возможно только потому, что он был психолог Милостию Божией. Его интерес к науке, к ее проблемам счастливо сочетался с негаснущим интересом и любовью к людям, что в нашей психологической среде случается не так уж часто. Это было больше, чем научное любопытство, это была человеческая и человеческая любознательность, постоянное стремление понять причины страдания и найти пути для его облегчения. Стойкость его интереса к отдельному человеку поразительна. Она не имеет аналогов в мировой психологической литературе. Я имею в виду многие десятилетия его наблюдений над великим мнемонистом Ш. и над пациентом З. Испытуемый и пациент — герои его маленьких книжек — стали его друзьями. Уверен, не только они...

Напомню призыв А. Р. Лурии к психологам, сделанный им в «Маленькой книжке о большой памяти». Он приглашал психологов следовать его примеру и детально описывать случаи исключительного развития отдельных психических способностей, так как подобные случаи помогут лучше понять целое. Правда, мне кажется, что этому призыву последовал лишь писатель В. В. Набоков, который едва ли знал о нем. Романы «Защита Лужина» и «Камера обскура» напоминают маленькие книжечки А. Р. Лурии. Если сравнивать не художественные достоинства их произведений, а отношение авторов к своим героям, то, по моему мнению, выигрывает А. Р. Лурия. В. В. Набоков, коллекционирующий причуды человеческой психики, относится к своим героям как ученый-энтомолог, разглядывающий редкие виды наколотых на булавку бабочек, А. Р. Лурия — как писатель, сопереживающий своим героям.

Вся жизнь А. Р. Лурии была отдана науке. Я даже не буду пытаться характеризовать его научное наследие, столь велико и многообразно оно, к тому же еще далеко не освоено. Не все опубликовано даже по-русски, например его книга «The nature of human conflicts» (1932)³. При таких грандиозных масштабах научной, педагогической, клинической, организационной (никогда не публичной), коммуникативной (ни одно письмо не осталось без ответа) деятельности, казалось бы, ни на что другое просто не может быть времени. Но А. Р. Лурии было тесно в науке. Он постоянно вырывался из нее в культуру, а точнее — он просто жил в культуре, поэтому и психология его была культурно-исторической. А нейропсихология — это уже частность в замечательном культурном контексте, правда, такая частность, которая принесла А. Р. Лурии

³ Книга А. Р. Лурии «Природа человеческих конфликтов: Объективное изучение дезорганизации поведения человека» издана лишь в 2002 году к 100-летию ученого.

мировую известность. А. Р. Лурию интересовали мировая живопись (его библиотеке по живописи мог позавидовать самый взыскательный искусствовед), русские деревянные церкви (он сам сделал превосходную слайдотеку деревянного зодчества на русском Севере), киноискусство (отсюда его контакты с С. М. Эйзенштейном). Помню, что по его заказу я привез из Японии телеобъектив каких-то невообразимых размеров для его фотоупражнений.

Нужно сказать, что культура отвечала А. Р. Лурии взаимностью. Я недавно узнал, что многое в лингвистических построениях Р. О. Якобсона основано на исследованиях А. Р. Лурии. Он об этом, несомненно, знал, но никогда не афишировал. То же можно сказать о теории построения движений Н. А. Бернштейна, реконструированной из осколков патологии. Многие осколки — результаты исследований А. Р. Лурии. О психологической теории деятельности и говорить нечего. А. Р. Лурия — такой же ее создатель, как А. Н. Леонтьев, П. Я. Гальперин, А. В. Запорожец, П. И. Зинченко, Д. Б. Эльконин и др.

Недавно признание А. Р. Лурии пришло совсем с неожиданной стороны. Питер Брук получил грант на экранизацию «Маленькой книжки о большой памяти». Выдающийся режиссер дважды был в Москве, в Петербурге, встречался с людьми, которые знали А. Р. Лурию и мнемониста Ш. Конечно, он встречался со многими западными коллегами и друзьями А. Р. Лурии. В итоге многих встреч Питер Брук сказал мне, что он почувствовал А. Р. Лурию своим братом. Это впечатление Мастера, полученное «из вторых рук», говорит о многом и дорогого стоит. Между ними действительно есть нечто общее. Это лучшая доброта и непосредственно воспринимаемая, не требующая никаких доказательств талантливость. Трудно будет П. Бруку подыскать актера на роль А. Р. Лурии. С тем большим нетерпением ожидаем воплощения этого замечательного культурного и художественного (а не научного) замысла.

К счастью, А. Р. Лурия еще живет в памяти многих поколений: его учеников, когда-то молодых его друзей и коллег. Надеюсь, я выражу общее мнение: чем дальше его нет, тем величественнее становится его фигура. Это какая-то обратная временная перспектива. И тем больше нам его не достает.

1997

Александр Владимирович Запорожец: жизнь и творчество (от сенсорного действия к эмоциональному)

Жизненный путь и научная биография Александра Владимировича Запорожца заслуживают монографического описания. Я рад, что к его столетию изданы воспоминания супруги Тамары Осиповны Гиневской об их совместной жизни, длившейся более полувека¹. В них представлена не научная биография, а атмосфера, в которой она протекала и люди, окружавшие Александра Владимировича.

В настоящих заметках мне не удалось ограничиться лишь академическими аспектами его деятельности и уроками, которые я от него получил. Александр Владимирович более тридцати лет дарил мне свои любовь и дружбу. Сначала я получил их в дар по наследству, по праву рождения, как сын Петра Ивановича Зинченко. (С моим отцом А. В. Запорожец подружился в свой харьковский период, который у него, в отличие от других «харьковчан» А. Н. Леонтьева и А. Р. Лурии, продолжался до самой войны. Вернувшись после рытья окопов, он эвакуировался из Харькова с последним поездом.) Позже, мне кажется, я заслужил его расположение и сам. Его уроки, как и уроки моего отца, не просто хранятся в моей благодарной памяти, они вошли в мою плоть и кровь.

А. В. Запорожец родился 12 сентября 1905 года в Киеве. Его родители были увлечены революционной деятельностью и, видимо, не слишком много внимания уделяли сыну. Когда у ребенка обнаружили неполадки в легких, его мама Елена Григорьевна выбросила из головы революционные бредни и всерьез занялась сыном. Она освоила профессию массажистки, возила сына на французские и итальянские курорты. Болезнь отступила, не оставив никаких сле-

¹ См.: А. В. Запорожец — человек и мыслитель / Под ред. Л. А. Парамоновой. М., 2005.